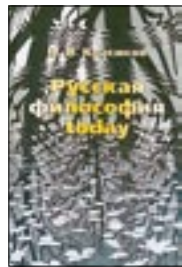

Соблазн технологии

Виталий Куренной

Красиков В. И. *Русская философия today*. М.: Воледей Publishers, 2008. 312 с.

Фраза маркиза Астольфа де Кюстин о России как стране «каталогов» последние годы является, пожалуй, одним из наиболее популярных эпиграфов. За неимением более точной формулировки приведем ее еще раз: «Россия — империя каталогов; если пробежать глазами одни заголовки, все покажется прекрасным, но берегитесь заглянуть дальше названия глав: откройте книгу, и вы убедитесь, что в ней ничего нет; правда, все главы обозначены, но их еще нужно написать» (Россия в 1839 г., Письмо 15). В аннотации к работе В. И. Красикова читаем: «Монография представляет собой историко-философское и одновременно социально-философское исследование, посвященное нескольким смежным темам...», — далее следует перечисление тем, которое опустим. На первой странице «Введения» автор пишет о трех «профессорах философии», побудивших его к написанию книги.

Первый — безымянный российский — озарил ум автора мыслью, что не надо заикливаться на истории и событиях в западноевропейской философии: «нас же должны в первую очередь трогать наши — лишь тогда мы будем самодостаточны, без оглядки на „них“ создадим свое и для себя».

Два других источника авторского замысла не анонимны. «Посмотреть на историю философии как естественно-социальный процесс, включенный в общую последовательность экономических и политических эволюций, постоянно возобновляемое соперничество групп философов в пространстве интеллектуального внимания, в ходе которого они создают свои репутации, передают культурный капитал, предложил американский профессор Р. Коллинз, создатель „глобальной теории интеллектуального изменения“».

Наконец, третий источник работы — некий профессор Чикагского университета Б. Харт, «типичный представитель аналитической философии и левый интеллектуал», который «много способствовал» формированию у автора «критического горизонта» в отношении собственных взглядов. Особо ценный вклад его состоит в том, что он информировал автора по e-mail о следующем: «So there be no image of Russian Philosophy in the Anglophone West», когда тот консультировался с этим американским философом насчет подачи в РГНФ заявки на грант «Образ современной русской философии на Западе». Консультация, видимо, помогла — наиболее обширная глава книги с тем же названием выполнена в рамках гранта РГНФ. Хотя закрадывается подозрение, что третьим источником данного труда был все же профессор философии Вильям Д. Харт (University of Illinois at Chicago), историк логики и автор одной мо-

нографии по mind-body problem: других Харт в Чикаго мы не обнаружили. Но это детали. В основном автор настаивает, что добрая половина его работы есть «проба применения коллинзовской методологии на материале истории отечественной философии последнего полувека».

Итак, анонс и «Введение» интригуют: отечественная философия, рассмотренная в русле методологии такого известного исследователя, как Рэндалл Коллинз, работающего в русле социологии знания, должна быть, безусловно, очень интересна. Скажу сразу — я не сторонник методологии Коллинза в том виде, в каком она представлена в «кирпиче» под названием «Социология философий»: в целом книга выходит за пределы возможной компетенции всякого специалиста, а в деталях, которые мне известны, она не всегда точна и довольно поверхностна. Методологически это скорее «социология истории философии так, как она изложена в ряде современных кампусных американских учебников», ведь критерий исторического признания для Коллинза — просто указатель имен в этих учебниках. Также мне представляется слишком аморфной Коллинзова модель «интеллектуального» поля, в котором выстраиваются цепочки и сети интеллектуальных связей, идет борьба за внимание и т. д. Тем самым Коллинз игнорирует институциональные и политические факторы и границы — да мало ли еще какие претензии можно сформулировать в связи с этой важной тем не менее работой. Но Коллинзу все же не откажешь в одном: он реализует ту задачу, которую перед собой ставит, методично и с бульдожьей последовательностью. С ним можно не соглашаться (даже принципиально), но это эпистемологически выверенный результат, полученный в рамках заявленного им подхода.

Однако приступив к чтению труда В. И. Красикова, обещающему быть столь же увлекательным, впадаешь в полный когнитивный диссонанс. Ни малейшего намека на попытки прописать структуру интеллектуальных сетей, а ведь это ключевой для Коллинза способ работы с материалом. Автора, судя по всему, волнует один-единственный вопрос: как бы нам так сделать что-то такое, чтоб наша русская философия сделалась мировой. Для этого, автору думается, надо овладеть некоей технологией, пиаром, приемами публичного позиционирования. Например, через Интернет.

В. И. Красиков рачительно хлопочет за отечество. Например, обозревая сайт Дмитрия Ольшанского Gallery of Russian thinkers, он корит молодого автора: «Сия легковесность и порхание были бы вполне извинительны в любом другом месте, пусть даже в отдельной монографии, но они размещены в виде визитной карточки русской философии для иноязычных философов и просто любителей, и по ней складывается общее впечатление, стереотип о том,

кто мы и что мы есть вообще» (с. 231). Речь идет всего лишь о том, что автор (Ольшанский) сделал сайт на английском языке и по-своему отнесся к отбору материала, изложил некое собственное понимание истории русской философии. И вот, пожалуйста, В. И. Красиков уже озаботился международным имиджем русской философии. Господин Красиков, если вы не согласны с Ольшанским, напишите статью ему на сайт. Но не надо, ссылаясь на свое попечение об отечестве, предлагать ему спрятать свою точку зрения «в любое другое место, пусть даже в отдельную монографию». Я не поклонник Алена Безансона, но процитирую его слова из полемики с Мартином Малиа, где Безансон описывает переход от имперской к советской России:

«На смену обычной лжи [пришла] ложь всемирная и универсальная, метафизическая, шизофреническая, создающая своего рода вторую реальность, империюобмана». Глянцевая визитная карточка — большая проблема для пиар-менеджера кондитерской фабрики. Научная коммуникация — иной тип взаимодействия, который не предполагает, что «легковесность и порхание» должны скрываться в какой-то «монографии», а для «иноязычных философов и просто любителей» надо предъявлять нечто солидное и основательное.

К сожалению, наша рецензия выходит несколько разорванной. Отчасти это обусловлено характером рецензируемой работы: по сути, это и есть сборник разрозненных статей и очерков — с повторами и вариациями. Среди них, например, большое место занимают размышления о природе философии вообще и особенностях русской философии в частности. Особенно настойчиво к этой теме автор обращается в первом очерке: «Русская душа и русская философия: проблема идентификации в контексте глобализации». Анализ этой проблемы опускается до невиданных глубин: «Философия в ее антропологическом значении, т. е. универсального (сквозного) духовного человеческого артефакта, есть единство души и ума» (с. 7). Я бы очень рекомендовал автору отправить это суждение своему американскому консультанту, собаку съевшему на анализе подобного рода высказываний (HART W. D. *The Engines of the Soul*. Cambridge, 1988). Надеюсь, он точно датироват археологическую принадлежность этой формулы, устаревшей уже в XIX веке.

В других частях работы встречаются иные, не менее мощные определения: «Философия — квинтэссенция психологии, индивидуальной и национальной» (с. 74). Размышления о судьбах русской философии ведутся в схожих по своей аналитической пронизательности и свежести категориях: космополитическая и национально-этническая философия, универсализм и партикуляризм, идейный импорт и самобыт-

КАК БЫ НАМ ЭТАК СДЕЛАТЬ
ЧТО-ТО ТАКОЕ, ЧТОБ НАША
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ
СДЕЛАЛАСЬ МИРОВОЮ

ность, культура молодая и старая и т. д. и т. п. Ментальная география автора мало отличается от таковой Вл. Соловьева: Восток — Запад — Россия плюс рассуждения о китайцах, индийцах и немцах. В этих понятиях и продолжает обсуждаться история русской философии, тогда как обещан был — ни много ни мало — социально-исторический анализ в политическом и экономическом контексте! Этот контекст автор, видимо, пытается выявить, описывая специфику «русской души» и «национального характера». Показателен уровень обобщений и заключений автора, например, «Для большинства народа...» (с. 29). Или «наши классики» «верно выразили основные признаки национального характера»

**НАУКУ ДЕЛАЕТ НАУКОЙ
КОНКРЕТНОСТЬ, БЕЗ ЭТОЙ
КОНКРЕТНОСТИ ОНА — ЛИШЬ
ПУСТАЯ АБСТРАКЦИЯ, ВСЕГО
ЛИШЬ НЕОБОСНОВАННАЯ
ПРЕТЕНЗИЯ НА ЗНАНИЕ**

(с. 32). Специфика одного характера с железной логикой выводится из особенностей землепользования в России, а именно «рискованного скудного земледелия» (с. 35). «Систематичность и обилие трудовых затрат (как, к примеру, у немцев или китайцев (sic!)) не дают результатов, соразмерных вкладываемому» (там же) — вот основная доминанта, определившая, оказывается, и специфику русской души, и специфику русской философии.

За всю русскую философию не скажу, но к рецензируемой работе это относится в полной мере. Зачем систематичные трудовые затраты, если все равно искомым результатом будет — догадываетесь? — магическая формула, скрепляющая все эти противоположности в некий общий синтез. А вот и она: «Перспективы русского стиля философствования именно как обновления и синтеза космополитического и националистического, универсального и конкретного сейчас как нельзя хороши» (с. 49). Иными словами, как говаривал незабвенный А. Х. Бенкендорф: «Прошлое России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Почему же перспективы сейчас «как нельзя хороши»? Да потому что «ослабили влияние, привлекательность — как для мирового философского сообщества, так и для философской молодежи — основных современных „партий“ (направлений) в мировой философии: аналитической философии и постмодернизме» (там же). Как видим, представления автора о мировом философском ландшафте столь же исчерпывающи, как и об истории русской философии.

Если резюмировать суть нашего недоумения в связи со всеми этими рассуждениями, то они состоят в следующем. Это не анализ,

не исследование, ведущееся на современном — в том числе современном российском — уровне. Немного, но уже есть примеры хороших исторических исследований по истории русской философии. Детальных, анализирующих действительный горизонт проблематики русских философов, равно как и социально-исторические факторы их конкуренции и взаимодействия¹. Все же рассуждения о некотором общем знаменателе («русской душе»), о борьбе космополитов-универсалистов-западников с националистами-партикуляристами-славянофилами — всего лишь удобные публицистические, но никак не современные исследовательские или аналитические категории. И конечно, эта публицистика должна понимать свое место и свою роль, не выдавая себя за то, чем она не является — историко-философским исследованием. Нельзя даже сказать, что они неверны. Очень может быть, что они и верны. Втиснул же Христиан Тилитцки свое монументальное исследование немецкой университетской философии Веймарской республики и Третьего рейха в формулу противостояния универсалистов и партикуляристов. Но там два гигантских тома эмпирического материала! (TILITZKI C. *Die deutsche Universitätsphilosophie in der Weimarer Republik und im Dritten Reich*. Teil 1–II. Berlin: Akademie Verlag, 2002.)

Со многими наблюдениями В. И. Красикова можно даже согласиться, некоторые из них не лишены остроумия. Но исследование делает исследование историческая конкретность, соответствующая современному уровню исследований в этой области. Если стилизоваться под язык Гегеля, то можно так и сказать: науку делает наукой конкретность, без этой конкретности она — лишь пустая абстракция, всего лишь необоснованная претензия на знание. Отсюда и ощущение интеллектуальной нищеты, которое лишь усугубляется тем, что автор пытается давать некие советы и рекомендации о том, как вывести современную русскую философию на мировой уровень. Сразу понимаешь: такую вот философию на этот уровень вывести нельзя точно — выводить-то нечего. Ощущение, словно все это ты уже читал тысячу раз, а работа представляет собой повторение и рекомбинацию одних и тех же устаревших формул.

Чуть лучше обстоят дела с параграфом «Современная русская философия: основные линии соперничества и распределения пространства внимания». Он интересен постольку, поскольку автор пытается классифицировать основные дискуссии позднесоветской философии. Из перспективы профессионального советского философа, получившего образование в Уральском университете, защитившего диссертацию в Томском университете и работающего в кемеровском вузе (у автора, о чем нетрудно догадаться, предостаточно собственных «визитных карточек» в Интернете, подробно излагающих все факты его биографии). Оригиналь-

ностью эта перспектива не отличается, да она и скорректирована в соответствии с теми линиями, которые уже намечались в постсоветской историографии советского периода. Но все же она не лишена ценности автобиографического очерка. Жаль только, что этот очерк — не будучи, конечно, никаким исследованием в русле социологии знания (за исключением всякий раз повторяемой магической ссылки на Коллинза) — впитал в себя некую систематизацию, которая уже не ясно из какой перспективы дана: то ли личной авторской, то ли какой-то статьи из «Вопросов философии» про советскую философию. Как можно установить, например, что «наибольшее впечатление на сообщество произвела концепция идеального Э. Ильенкова» (с. 112)? Чем измерен уровень и география этого впечатления — не говоря уже о его социальных аспектах? По каким именно коммуникативным каналам протекала советская дискуссия? На какие учреждения и каналы коммуникации опирались те или иные группировки? Почему у них столь различная советская и постсоветская судьба? Какие факторы подогревали накал этих дискуссий? Ответов на эти вопросы нет, они даже не поставлены.

Некоторую статистику, описывающую современные философские структуры и учреждения, содержит параграф «Современное российское философское сообщество». Перечислены основные центры, факультеты, некоторые из них частично охарактеризованы в количественных показателях (число кафедр и т. д.). Но по каким источникам приводятся эти сведения, на какой момент времени верна эта статистика, все это автором отчего-то опущено.

Видимо, питая слабость к Российскому философскому обществу (РФО), автор уделяет ему особое внимание. Это интересно, здесь следовало бы задержаться. Но нет — несколько ссылок на статьи из «Вестника» этой ассоциации и больше ничего конкретного (документально подтвержденного) о причинах ее возникновения, ресурсах существования, системе взносов и т. д. Особо отмечается роль «первого вице-президента», но он даже по имени не назван — наверное, какие-то интриги и конфликты... Хотя это, действительно, интереснейший вопрос, ведь в России ассоциации «свободных профессий» складываются очень поздно. Даже юристы создают первые структуры только во второй половине XIX века. Однако, несмотря на ссылки на Коллинза, автор явно не чувствует этого социально-социального аспекта философской жизни.

Даже там, где предпринимается попытки «анализировать» на эмпирической основе — глава «Русская философия на рынке книгоиздания ан-

Константин Батяков. Из серии «Дон Кихот». 2007.

глоязычного мира (по данным интернет-ресурсов)», — автором не соблюдены минимальные требования достоверности. По его словам, в этой главе рассмотрено и типологизировано 256 наименований книг. Но нет даже библиографической описи этих книг, а это, заметим, небольшая, но необходимая работа. В результате мы должны просто верить произвольной классификации этих работ, предложенной автором. Зато есть какие-то, мягко говоря, наивные и пространные рассуждения о методологии социологии (с. 251), по аналогии с которыми автор считает, будто «имеющегося массива данных вполне достаточно для качественного анализа основных тенденций англоязычного книгоиздания русско-философской тематики» (с. 252).

Анализ англоязычных «интернет-ресурсов», посвященных истории русской философии (автор зачем-то упорно называет их «визитными карточками культур»), ограничивается пересказом того, что В. И. Красиков нашел на сайтах М. Эпштейна и Д. Ольшанского. Зачем это все излагать с такой серьезностью и подавать как исследование — не-

¹ См. по меньшей мере ежегодник «Исследования по истории русской мысли» (под ред. М. Колерова и Н. Плотникова) и серию монографий, выходящих в рамках этого ежегодника.

понятно. Этот же вопрос можно задать и применительно к попытке описать «русскую философию в англоязычных интернет-энциклопедиях». Почему это странно? Представьте, что вы сидите в читальном зале какой-то (большой) библиотеки. На полках стоят энциклопедии. В целом совершенно случайно подобранные. Вместо того чтобы использовать их по назначению (т. е. пролистать, если вам это необходимо для работы, и двинуться дальше, анализируя библиографию, заказывая действительно нужные вам книги, разыскивая специальные энциклопедии) человек вдруг с важным видом говорит: «Я сейчас опишу, как русская философия представлена в энциклопедиях на вот этом вот стеллаже открытого доступа». Тянет, конечно, на забавную культурологическую заметку о библиотеке города N, но не более того. С таким же успехом можно писать научную работу о подвергнувшемся вам под руку каталожном ящике, где по какой-то причине смешались разные карточки. А Интернет и есть такой большой ящик, пусть и с быстрым поиском. Чтобы им правильно воспользоваться, надо уметь отсе-

АВТОР ЯВНО НЕ ВИДИТ
РАЗНИЦЫ МЕЖДУ СФЕРОЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ И СФЕРОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ

секать лишнее и упорядочивать основное, а не пытаться представить эту случайную выборку как некий целостный «образ русской философии».

Такой же попыткой выдать часть за целое «Образ русской философии на Западе» являются и параграфы, посвященные судьбе русской послереволюционной философии. Автор явно не видит разницы между сферой профессиональной философии и сферой интеллигентской публицистики. Все это смешано в одно целое, называемое философией. К такому взгляду, к сожалению, подталкивает именно Коллинз, и это, пожалуй, единственный серьезный отпечаток его подхода в рецензируемой работе. Не буду вдаваться в подробный анализ. Замечу лишь, что эта часть работы элементарно не соответствует актуальному уровню историко-философских исследований в данной области.

И все же в работе есть и очень интересные моменты, на которые читателю стоит потратить время. Это, например, симптоматическое само по себе описание системы коммуникации в современном философском сообществе. Автор много пишет о замкнутости ведущих столичных философских журналов, о «Московии» как особом регионе. Портрет столичной профессиональной группы выполнен при этом в красках демонического заговора некой касты. Я от души изумлялся, читая вот такое: «Распределение культурных ресурсов: академические структуры, патронирующие в качестве экспертов крупнейшие отечественные фонды (РФФИ, РГНФ), определяют, кому, как часто давать гранты, зарубежные командировки. Они же контролируют центральные философские изда-

ния („Вопросы философии“, «Философские науки», «Человек», «Эпистемология и методология науки», «Логос» и пр.), вольны решать, кому и как часто в них печататься» (с. 140). Неужели автору не приходит в голову, что основная проблема отечественных профессиональных изданий — непрофессиональное сообщество? Что стыдно печатать тексты, присылаемые в редакции под видом научных статей? Автор же на протяжении всей книги убеждает читателя в обратном: и в советской философии было все не так плохо, а сейчас ее признают и канонизируют — это уже совсем прекрасно. А, кроме того, еще и разные современные направления сложились в постсоветской философии. Только вот козни западных славистов и западного «идеологического спецназа» мешают нашему международному признанию (об этом есть в работе целый параграф «Исследования русской философии в академической среде англоязычного мира: маргинальная дисциплина или идеологический спецназ?»). Да вот еще и Д. Ольшанский сделал какой-то неправильный сайт на английском языке. В остальном все прекрасно (см. выше слова Бенкендорфа).

Но все же особенно удался автору раздел, где он обобщает опыт своих многолетних наблюдений над окружающим философским сообществом: конференциями, механизмом рекрутирования и работой ученых советов, защитой диссертаций. Здесь он действительно в своей стихии, со вкусом описывает посиделки после защиты диссертации, конфигурации власти, считаваемые в интеракциях во время конференций и фуршетов. Например, говоря о «дружеских чаепитиях» или «товарищеских посиделках» после защиты, он замечает: «и тут сложился порядок, табель о рангах: кому, в какой последовательности предоставляется произнесение тостов о подвигах соискателей и их оппонентов» (с. 163).

И это прекрасно. Иначе как бы мы еще узнали, что «Перефразируя известное „посадить дерево, вырастить сына...“, для философа, по крайней мере в нашем сообществе, — это выпустить дельную книгу и открыть либо философский факультет, став его деканом, либо диссовет, став его председателем: в обоих случаях это есть своего рода сакральное действие основания нового „философского племени“» (с. 160, прим.). Вот такой вот реальный механизм интеллектуальной конкуренции — железно завязанный вовсе не на ресурсы какого-то там интеллектуального внимания, а на вполне определенные позиции в административной системе. С этого, возможно, и стоило бы начать социальный анализ российской философии, а также поиск причин, по которым она никак не может пересечь рубежей нашей родины. Эти страницы — настоящий отправной пункт для того, кто всерьез займется социальным анализом современной российской философии. Побольше бы именно таких страниц. ■